

Анна Липовска

ОБ АССОЦИАТИВНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ И ЕЕ РОЛИ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ
(на материале русского и болгарского языков)

Повышение эффективности процесса обучения иностранному языку является главной целью научных исследований преподавателей, методистов, психологов, лингвистов. Их работа направлена на создание такой структуры обучения, которая соответствовала бы естественным условиям и механизмам функционирования языка.

В предлагаемой работе будет представлена гипотеза об одном альтернативном способе представления грамматики языка и соответствующей этому подходу возможности овладения языком его естественным носителем.

Проблема владения языком – одна из центральных в науке о языке – решалась в разное время разными направлениями, школами и отдельными исследователями по-разному. Преломление этих решений через разные точки зрения привело к наличию в науке богатейшего материала в этой области. Цель – моделирование знания языка – ставит существующие теории очень близко друг к другу, но в тоже самое время делает возможным их четкое разграничение. Не ставя перед собой задачи рассматривать предлагаемые решения проблемы владения языком, только упомянем о некоторых из них, довольно широко распространенных в современной лингвистике: трансформационная грамматика Н. Хомского, падежная грамматика Ч. Филлмора, модель «смысл-текст» И. Мельчука, интегральный словарь Ю. Д. Апресяна, модель речевой способности А. А. Леонтьева и др., а также множество других решений, появившихся в результате критического прочтения этих теорий. В последнее время наблюдается интерес к наличию очень существенного, но незаслуженно пренебрегаемого некоторыми авторами, фактора на пути к решению проблемы владения языком, а именно, человека как носителя языка.

Далее более подробно остановимся на концепции Ю. Н. Караулова об «языковой личности»

Ю. Н. Караулов формулирует два основных тезиса о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» (Караулов, 1977, с.7) и о том, что анализ возможен только на материале определенного национального языка (Караулов, 1977, с.8). Развивая первый из них, автор предлагает трехуровневую модель языковой личности: «Структуру языковой личности можно рассматривать – в лингводидактических и теоретико-лингвистических целях – складывающуюся из трех уровней:

- вербально-семантического, или лексикона личности; лексикон, понимаемый в широком смысле, включает, по нашим представлениям, и фонд грамматических знаний личности;
- лингвокогнитивного, представленного тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире;

- мотивационного, или уровня деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающей прагматику личности, т.е. систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей» (Караулов, 1988, с.109).

Отвечая на вопрос «Как человек владеет языком», исследователь-лингвист касается и проблемы овладения языком. Очень близко к этим лежит вопрос о том «Как человек овладевает иностранным языком», т.е. как осуществляется процесс формирования в человеке вторичной языковой личности. Основываясь на положения лингводидактического представления языковой личности Ю. Н. Карауловым, И. И. Халеева в работе «Основы теории обучения пониманию иноязычной речи» ставит проблему о необходимости формирования «вторичной языковой личности» (Халеева, 1989, с.54-57) при обучении иностранному языку. Автор подробно анализирует подходы при подготовке билингва, соотнося их с тремя уровнями языковой личности. Подчеркивается, что на начальном этапе становления вторичной языковой личности происходит приобщение к вербально-семантическому фонду иноязычной языковой личности (Халеева, 1989, с.56), при этом выделяются два подэтапа: формирование вторичной языковой личности как а) реципиента и как б) продуцента (Халеева, 1989, с.60). И. И. Халеева особо выделяет тот факт, что «обучение практическому владению иностранным языком профессионалов-лингвистов означает прежде всего осознание изучающими иностранный язык того обстоятельства, что они как бы постоянно вынуждены находиться (ощущать себя) в измерениях двух различных социокультурных общностей, рефлектируя над спецификой различных лингвосоциумов» (Халеева, 1989, с.58), имея при этом в виду формирование наряду с лексиконом также тезауруса и прагматикона вторичной языковой личности.

Ограничиваясь рамками нашей темы, рассмотрим первый уровень в структуре языковой личности. Основным понятием, которым будем оперировать – это АВС. Она является «принадлежностью» естественного говорящего, усредненного индивида или совокупного носителя языка (Караулов, 1990, с.123). АВС представляет собой «совокупность отношений между словами, словоформами и их сочетаниями, которую можно наблюдать на материале достаточно большого ассоциативного словаря» (Караулов, рукопись). Хочется особо выделить тот факт, что «АВС заключает в себе не только лексику с ее семантически обусловленными связями, но и синкретически запечатленную в лексических элементах грамматику, «разлитую», распределенную (диссипированную) между узлами сети и существующую в «лексикализованном», готовом к «употреблению» виде, в совокупности отражая весь набор грамматических форм и категориальных значений, свойственных русскому языку» (Караулов, 1990, с.123).

Это свойство АВС, как было уже отмечено, можно наблюдать на материале ассоциативного словаря, полученного в результате свободного ассоциативного эксперимента. В нем исследователь рассчитывает на интуицию «естественного говорящего». Это имеет свои положительные стороны. В свободном ассоциативном эксперименте испытуемые должны отреагировать на определенные слова-стимулы, и так как эти слова в сознании носителя языка находятся в окружении целого ряда ассоциаций, которые активируются к употреблению, то в результате получается довольно богатая и интересная картина, после соответствующей интерпретации которой можно судить о характерных чертах ассоциативно-вербальной сети носителя языка.

Аналізу были подвергнуты ассоциативно-сочетаемостные свойства прилагательных в русском и болгарском языках. Проблема сочетаемости в близкородственных языках, какими являются русский и болгарский, стоит очень остро. В ряде случаев из существующего сходства в лексической семантике эквивалентных слов в обоих языках автоматически делается вывод и о сходстве в их сочетаемости. Однако тождество

семантики не всегда влечет за собой тождества сочетаемости. Поэтому представляется необходимым изучать и регистрировать соответствующим образом сходства и различия в сочетаемости слов в близкородственных языках. Тем более, что в процессе овладения языком важно усваивать не только отдельные слова, но и правила их комбинирования в потоке речи. А как раз этому умению труднее всего научиться при овладении иностранным языком. Для анализа был выбран материал ассоциативных экспериментов. Когда мы говорим об ассоциативно-сочетаемых свойствах исследуемых прилагательных, нужно иметь в виду, что речь идет не о каком-то особом типе сочетаемых свойств слов (ср.: семантическая, лексическая, синтаксическая сочетаемость), а о возможном методе анализа и лексикографического представления этих свойств. Под ассоциативной сочетаемостью слов подразумеваются отношения между словами в ассоциативной паре S-R (в АБС).

Материалом для анализа в данной работе послужили результаты ассоциативных экспериментов (для русского языка – это данные Ассоциативного словаря ИРЯ РАН, а для болгарского – это данные эксперимента, проведенного мною). Что касается возможности сопоставления данных ассоциативных экспериментов, полученных на материале разных языков, то подтверждением этому служат работы в этой области А.А. Залевской (Залевская, 1977, 1979, 1980, 1981), А.П. Клименко (Клименко, 1974, 1980, 1982), А.И. Титовой (Титова, 1975), Л.Н. Титовой (Титова, 1975), Ю.Е. Ульянова (Ульянов, 1988), Е. Герганова и др. А.А. Залевская отмечает, что «сопоставление ассоциативных реакций является правомочным лишь при условии оперирования достаточно представительными данными, полученных от аналогичных групп испытуемых на как можно более близкие по значению исходные слова – корреляты в исследуемых языках» (Залевская, 1977, с.158). Наш материал отвечает предъявляемым требованиям.

Решение конкретной задачи – сопоставление данных ассоциативных экспериментов с целью выявления сочетаемых свойств прилагательных – потребовало дальнейшей обработки и анализа материала. Были составлены рабочие карты для каждого исследуемого прилагательного русского и болгарского языков, в которых отмечались все замеченные в ходе начальной обработки данных свойства их сочетаемых способностей, а также наша интерпретация этих фактов. Проводилась эта работа по однотипной матрице, что помогло в дальнейшем выведению общих для всех прилагательных русского и болгарского языков типов конструкций.

В работе с материалом мы исходили из теоретических посылок о «модели двух слов» Н.И. Жинкина (Жинкин, 1982). Введенное Жинкиным понятие «модель двух слов» трактуется им следующим образом: «Каждое слово в фазе интеграции связывается с другим или с несколькими другими и образует такое целое, в котором возникает закономерная динамика словоизменения. Подобно тому как фонемы различаются бинарно по дифференциальным признакам и бинарно противопоставляются в словах, так и бинарно различные словоформы в словах бинарно интегрируются в грамматическом пространстве. Для того чтобы динамика изменения слов при их связи была закономерной, должен быть точный учет фактического материала словоформ и их изменений. В таких условиях в восприятии можно предрешить появление словоформ и ждать появления тех или других форм...» (Жинкин, 1982, с.45-46).

В проанализированном нами материале ассоциативных экспериментов с носителями русского и болгарского языков оказалось, что от полученных ассоциативных пар больше чем в 60% из случаев можно получить бинарные модели сочетания слов, т. е., по всей видимости, синтаксический момент в полученных конструкциях преобладает над семантическим, хотя при этом не исключает его и не противопоставляется ему, а

существует с ним. Например: р.¹ БЕЛЫЙ – лист (ср.: белый лист), б.² БЯЛ – лист (ср.: бял лист); р. БОЛЬШОЙ – успех (ср.: большой успех), б. ГОЛЯМ – успех (ср.: голям успех); р. ВЕСЕЛЫЙ – на вид (ср.: веселый на вид), б. ГОРД – от себе си (ср.: горд от себе си); Р. БОЛЬШОЙ – и глупый (ср.: большой и глупый), б. ВЕСЕЛ – и забавен (ср.: весел и забавен); р. ГОРДЫЙ – как орел (ср.: гордый, как орел) и т. д.

Как видно из примеров, в ассоциативном эксперименте находят выражение почти все типы синтаксических связей (сочинительная, подчинительная – согласование, подчинение, примыкание). При этом, как можно судить тоже по примерам, хотя не во всех статьях ассоциативных словарей русского и болгарского языков наблюдаются последовательно все (зарегистрированные до сих пор нами) модели, а это вряд ли можно достичь на ограниченном материале, все же можно построить относительно целостную картину моделей двух слов.

Наряду с этими образованиями исследуемый материал позволяет интерпретировать некоторые сочетания стимула и реакции как скрытые, потенциальные предложения. Там, где первоначально трудно было судить вообще о наличии какой бы то ни было связи между стимулом и реакцией, впоследствии оказалось, что она (связь) не только существует, но и относительно легко реконструируется, в результате чего получается предложение. Например:

- а) р. БОЛЬШОЙ – красивый (ср.: Большой, поэтому красивый.); б. ГОЛЯМ – страшен (ср.: Голям е, затова е страшен.).
- б) р. ВЕСЕЛЫЙ – беззаботный (ср.: Веселый, потому что беззаботный.); б. ВЕСЕЛ – щастлив (ср.: Весел, зашто е щастлив.).
- в) р. БЕЛЫЙ – неудобно (ср.: Белый – значит неудобно.); б. БЯЛ – хубаво (ср.: Бял – значи хубаво.)
- г) р. ВОЕННЫЙ – подтянутый (ср.: Военный – следовательно подтянутый.); б. ВОЕНЕН – дисциплиниран (ср.: Военен – следователно дисциплиниран.).
- д) р. ГИБКИЙ – пластика (ср.: Гибкий – это пластика.); б. ГЪВКАВ – еластичност (ср.: Гъвкав – това е еластичност); р. БОЛЬШОЙ – высотное здание (ср. Большой – это высотное здание.); б. Голям – висока сграда (ср.: Голям – това е висока сграда).

Представленный тип реконструкций, как нам кажется, является только одним из возможных выражений предполагаемого механизма ассоциирования.

Выше были представлены результаты первоначальной обработки и анализа материала статей Ассоциативного словаря русского языка ИРЯ при РАН и ассоциативного эксперимента на материале болгарского языка со стимулами-прилагательными. Аналогичную работу предстоит провести на материале обратного ассоциативного словаря, где исходным пунктом для нас будут имена прилагательные, выступающие в качестве реакции на определенные стимулы (имена существительные, имена прилагательные, местоимения, наречия, глаголы и др., встречающиеся в ассоциативных статьях исследуемых нами прилагательных). Такого рода анализ следует провести с целью проверки (подтверждения) и дополнения имеющихся уже данных об ассоциативно-сочетаемых свойствах прилагательных в русском и болгарском языках.

В заключении хочется особо выделить тот факт, что гипотеза о так называемой «ассоциативной грамматике» имеет не только сугубо теоретический аспект, а приобретает достаточно определенный прикладной, лингводидактический смысл, т. е. это не только

¹ р. – далее так будем означать примеры на русском языке

² б. – условное обозначение примеров на болгарском языке

представление того, как существует знание языка, но и как этим знанием можно овладевать. Представляется целесообразным в учебных пособиях отражать именно «естественную грамматику» (Караулов, рукопись, с.312) русского языка, обучаемым предоставлять возможность оперировать именно теми предпочтительными моделями, которыми оперируют носители языка. Говорящий не пользуется набором правил (ср.: теория Хомского), а продуцирует фразу из составляющих сеть готовых словоформ и моделей двух слов, опираясь лишь на два закона – повторяемости и аналогии (Караулов, рукопись, с.312). Говорящий при этом действует автоматизировано, т.е. бессознательно. Следовательно, при обучении иностранному языку, а в данном случае при обучении болгар русскому языку, т.е. при формировании вторичной языковой личности необходимо стремиться конкретными приемами автоматизировать экспериментально зафиксированные элементарные единицы речи, т.е. модели двух слов, наблюдаемые в АВС носителя русского языка. При этом «чужая» до тех пор АВС постепенно будет становиться «своей». Ассоциативный подход в процессе овладения иностранным языком снижает интерференцию родного языка. Обучаемый усваивает характерные для изучаемого языка конструкции, при этом уже не наблюдается невольное копирование моделей родного языка. Ассоциативность в обучении компенсирует в какой-то мере отсутствие языковой среды.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богуславский, 1985: И.М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М., 1985.
- Жинкин, 1982: Н.И. Жинкин. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Залевская, 1977: А.А. Залевская. Из опыта сопоставления ассоциативных реакций в условиях различных культур. В кн.: Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. М., 1977.
- Залевская, 1979: А. А. Залевская. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1979.
- Залевская, 1980: А.А. Залевская. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека: (На материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов). АДД, Л., 1980.
- Залевская, 1981: А.А. Залевская. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека. В кн.: Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.
- Караулов, 1987: Ю.Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов, 1988: Ю.Н. Караулов. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах. В кн.: Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Караулов, 1990: Ю.Н. Караулов. Морфология в ассоциативно-вербальной сети носителя языка. В кн.: Русский язык и литература в общении народов мира. Проблемы функционирования и преподавания: Доклады советской делегации /Седьмой международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Москва, 10-17 августа 1990.
- Караулов, рукопись: Ю.Н. Караулов. Ассоциативная грамматика русского языка (рукопись).
- Караулов, рукопись: Ю.Н. Караулов. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности (рукопись).
- Клименко, 1974: А.П. Клименко. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск, 1974.
- Клименко, 1980: А.П. Клименко. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении. АДД, Минск, 1980.

- Клименко, 1982: А.П. Клименко. Психолингвистика. Минск, 1982.
Словарь ассоциативных норм русского языка. Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.
- Титова, 1975: А.И. Титова. Устойчивые ассоциации лексема в некоторых славянских языках. АКД, Минск, 1975.
- Титова, 1975: Л.Н. Титова. Киргизско-русский ассоциативный словарь, Фрунзе, 1975.
- Ульянов, 1988: Ю.Е. Ульянов. Латышко-русский ассоциативный словарь. Рига, 1988.
- Халеева, 1989: Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М., 1989.
- Български норми на словесни асоциации. София, 1984.
Асоциативный словарь русского языка ИРЯ РАН.
Работен асоциативен речник на българския език.

А. Липовска (резюме)

ЗА АСОЦИАТИВНАТА СЪЧЕТАЕМОСТ И НЕЙНАТА РОЛЯ В ПРОЦЕСА НА
ОВЛАДЯВАНЕ НА ЧУЖД ЕЗИК
(върху материал от руски и български език)

Като се основава на теорията за т. н. асоциативна граматика, авторът анализира асоциативната съчетаемост на прилагателните в руския и българския език и разглежда лингвометодическия аспект на тази теория.

Направени са изводи за възможното ѝ прилагане в обучението по чужд език.